

Политические аспекты формирования полицентричного мира в условиях «гибридных войн»

Аннотация. В статье исследуются политические аспекты формирования полицентричного мира на современном этапе, рассматриваются представления о новой полицентричности в международно-политических дискурсах России, США и Европейского союза, анализируется ситуация обострения глобальной геополитической, геоэкономической и информационной конкуренции между этими международно-политическими акторами. Автор приходит к выводу, что политика конкуренции ключевых акторов мировой политики, реализующая себя в стратегиях «гибридных войн» и контрстратегиях, становится долгосрочным фактором мирополитической динамики, способным оказывать существенное воздействие на трансформацию миропорядка, усиливая его полицентричность.

Ключевые слова: полицентричный мир, «гибридные войны», стратегия, дискурс.

Автор

Столетов Олег Владимирович,

кандидат политических наук,
старший преподаватель
факультета политологии
Московского государственного университета
имени М. В. Ломоносова
(Москва, Россия).

Формирование полицентричного мира происходит на фоне разворачивающихся дискуссий о конкретном оформлении будущего миропорядка. Все большее количество исследователей в России и за рубежом говорят о тенденции эрозии гегемонии как способа организации международных отношений. Одни исследователи рассматривают отмирание гегемонии преимущественно как результат развития и взаимодействия двух процессов —

уменьшения относительной мощи США и увеличения экономического и политического веса развивающихся стран [4], другие обращают внимание на объективную невозможность «единоличного» доминирования в условиях обострения глобальных проблем и возникновения качественно новых вызовов [10].

В данной статье представляется важным рассмотреть политические проблемы формирования новой полицентричности в контексте актуальных мирополитических

Политические аспекты формирования полицентричного мира в условиях «гибридных войн»

тических трендов, а также проанализировать представления относительно становления полицентричного мира на уровне международно-политических дискурсов ключевых международно-политических акторов. Проведение такого исследования позволит лучше понять условия, в рамках которых оформляется новая полицентричность, выявить ее специфические черты.

Формирование полицентричности на современном этапе реализует себя в условиях качественных изменений глобальной геополитической и геоэкономической ситуации. Многоаспектное взаимовлияние глобализации и регионализации способствует формированию интеграционных и квазиинтеграционных систем, характеризующихся специфическим институциональным и дипломатическим дизайном, представленным новыми экономическими международными организациями и соглашениями (Евразийский экономический союз, Транстихоокеанское партнерство, «Экономический пояс Шелкового пути»), а также неформальными межгосударственными объединениями (БРИКС, группа «Друзья Сирии»).

Ряд отечественных исследователей, характеризуя специфику становящейся полицентричности мира, обращает внимание, что сегодняшние центры силы не равновелики. Асимметрия и многомерность новой полицентричности вызваны тем, что, во-первых, наряду с ведущими центрами влияния появляются претенденты на лидерство, второстепенные, а также маргинальные центры силы [5], во-вторых, эти центры имеют различное общественное устройство, которое, кроме того, во многих аспектах еще не устоялось [1], и, в-третьих, в современном мире существенно расширяется спектр инструментов, посредством которых центры силы способны воздействовать друг на друга. Значительную роль в интенсификации этого процесса играет развитие науки и технологий.

Иллюстрируя представленный выше тезис, американский исследователь А. Ачария сравнивает современный мир с кинотеатром-мультиплексом, в котором в нескольких залах в одно и то же время идут разные фильмы — с разными сюжетами и актерами [20]. В рамках данного процесса происходит расширение количества влиятельных международно-политических участников, характеризующихся асимметрией возможностей. В этих условиях две основные составляющие международных отношений и мировой политики, а именно сотрудничество и конкуренция, проявляют себя все более многообразно и многомерно, охватывают сферы военного, экономического, научного, технологического, гуманитарного взаимодействия.

Значимым трендом, влияющим на динамику формирования полицентричного мира, является существенное политическое размежевание между Россией и США, а также их союзниками по НАТО и Европейскому союзу. Наиболее рельефную форму это размежевание приняло после произошедшего на Украине зимой 2014 г. государственного переворота. Показательна в данном случае новая Стратегия национальной безопасности США, утвержденная в феврале 2015 г. [28]. Отечественный исследователь С. М. Рогов отмечает, что в Стратегии Россия упоминается 15 раз — больше, чем любая другая страна. В документе 9 раз используется формулировка «агрессия России», более чем трижды говорится о необходимости «сдерживать Россию». Лишь в одном месте упоминается возможность американо-российского сотрудничества, которое, однако, станет возможно лишь в том случае, если Россия изменит свой политический курс [12]. При этом следует сказать, что следующая существенная в мировом масштабе линия размежевания, которая сегодня носит скорее латентный характер, но в перспективе может проявить себя более явно, относится к отношениям США и Китая [30].

Важно отметить, что двумя державами, которые наиболее активно и последовательно выступают в поддержке формирования полицентричного мира, являются именно Россия и Китай. Задача содействия формированию полицентричного мира на международно-политическом уровне была впервые сформулирована в Декларации о многополярном мире и формировании нового международного порядка, подписанной Россией и Китаем 23 апреля 1997 г. [15]. Впоследствии приверженность двух стран формированию многополюсного мира и нового международного порядка была подтверждена в Совместной декларации Российской Федерации и Китайской Народной Республики, подписанной 1 июля 2005 г. [17]. Установка на активную работу в пользу построения полицентричной демократической системы международных отношений содержится в утвержденной в 2015 г. Стратегии развития Шанхайской организации сотрудничества до 2025 г. [18].

Полицентричность в международно-политическом дискурсе

Рассмотрим представления о новой полицентричности на уровне международно-политических дискурсов России, США и Европейского союза. Выбор указанных международных акторов обусловлен тем, что именно Россия, с одной стороны, и Соединенные Штаты и их западные союзники, объединенные в НАТО и ЕС, с другой стороны, в настоящее время находятся на острие политических дискуссий о настоящем и будущем миропорядка.

Россия рассматривает формирование полицентричного мира как движение в сторону демократизации международно-политических решений на глобальном уровне. Становление демократического миропорядка связывается с получением более равноправного доступа развивающихся, ответственных государств к пре-

имуществам глобализации и развитием механизмов, способных защитить участников международного сообщества от ее негативных последствий [3].

Концепция внешней политики России 2000 г. фиксирует положение о том, что «Россия будет добиваться формирования многополярной системы международных отношений, реально отражающей многоликость современного мира с разнообразием его интересов» [8]. В Концепции внешней политики России 2008 г. «нарождающаяся многополярность» рассматривается в качестве одной из «фундаментальных тенденций современного развития» [9]. В Концепции внешней политики 2013 г., а также Стратегии национальной безопасности 2015 г. указывается на то, что полицентричный мир находится в стадии своего становления. Из документов следует, что в процессе формирования новой полицентричной модели мироустройства происходит обострение противоречий, связанных с неравномерностью мирового развития, углублением разрыва между уровнями благосостояния стран, борьбой за ресурсы, доступом к рынкам сбыта, контролем над транспортными артериями. Анализ российских стратегических документов показывает, что современный этап мирового развития понимается как переходный период [6], в рамках которого возникают ранее неизвестные коллизии и риски, но одновременно формируются новые основания для сотрудничества центров силы [16]. Кроме того, мы видим, что Россия в официальных документах постепенно уходит от термина «многополярность», заменяя его концептом «полицентричность». Эта же тенденция характерна и для научной составляющей российского международно-политического дискурса. В фундаментальной монографии «Россия в полицентричном мире», изданной под редакцией А. А. Дынкина и Н. И. Иванова, указывается, что понятие «многополярность» некорректно, так как сама по себе полярность предполагает исключитель-

Политические аспекты формирования полицентричного мира в условиях «гибридных войн»

но противостояние полюсов и собственно их бинарную оппозицию [14].

Для того, чтобы лучше осмыслить, что собой представляет формирование полицентричного мира с российской точки зрения, необходимо понять, чему оно приходит на смену. Важно, в частности, отметить, что авторитетный российский исследователь-международник Е. М. Примаков признавал, что цель искусственного конструирования однополярного мироустройства лежала в основе ряда идеологических построений, политических и военных акций, однако отвергал факт существования однополярного мира в качестве исторической реальности [11]. Другой видный исследователь А. Д. Богатуров для характеристики мирового порядка 1990-х гг. ввел в научный оборот термин «полутораполярность» [2]. В данном случае подчеркивался военно-стратегический паритет между США и Россией при кардинальном несовпадении возможностей по другим составляющим совокупного потенциала. Выступая на пленарном заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай» 2015 г., В. В. Путин заявил, что современный мир скорее следует считать бесполярным, так как власть в нем чрезвычайно рассеяна. Данный тезис предполагает ссылку на концепцию Р. Хааса, согласно которой основной чертой XXI столетия станет бесполярность, то есть мирополитическая ситуация, при которой оказывать различное, но существенное влияние на положение дел в мире будут десятки акторов. Приведенные выше примеры позволяют говорить о том, что в российском международно-политическом дискурсе решается задача деконструкции искусственно жесткого противопоставления однополярности и многополярности в качестве альтернатив мирового развития. Нам представляется, что в выступлении Президента В. В. Путина подводится своеобразная черта в дискуссии о форме полярности нынешнего и будущего мира. Формирование новой полицентрично-

сти, о которой говорится как в официальных российских стратегических документах, так и в международных документах ключевых для России международных объединений, как нам представляется, вполне может быть сопряжено с ситуацией бесполярного мира.

Отечественные исследователи, рассматривающие перспективы динамики становления полицентричного мира, подчеркивают, что сценарий противостояния альянсов так называемых «авторитарных» и «демократических» центров силы, о вероятности которого говорят некоторые зарубежные исследователи [26], объективно не может лечь в основу новой системной конфронтации, аналогичной тому идеологическому противостоянию, которое имело место в период Холодной войны. Нарастание межцивилизационных противоречий, принимающее форму межкультурных, межрелигиозных и межэтнических конфликтов, в том числе, вооруженных, способно подорвать стабильность отдельных центров силы, однако с малой долей вероятности способно стать основой для полномасштабной глобальной конфронтации, так как внутренние структуры самих цивилизационных идентичностей слишком сложны и противоречивы [7]. Нарастание конфликтности в мировой политике российские исследователи связывают не с «возвышением» новых центров силы, а с агрессивным нежеланием Соединенных Штатов и их союзников отнестись к этому процессу как к объективному и неизбежному.

Нарастание глобальной турбулентности позволяет российским экспертам говорить о том, что возможность военного конфликта между великими державами сегодня перестает быть гипотетической и становится реальной. Однако следующий российский тезис состоит в том, что рост конфронтационности создает объективный запрос на выработку эффективных международных механизмов разрешения потенциальных кризисов. Предпола-

гается, что узкий коридор для сотрудничества постепенно будет расширяться. Встречаются авторитетные исследования, в которых утверждается, что уже в ближайшие годы Россия, США, Евросоюз и Китай будут вынуждены предпринимать совместные усилия, направленные на стабилизацию и мирное разрешение кризисов и конфликтов в зоне глобальной нестабильности, простирающейся от «Большого Ближнего Востока» и до Пакистана. Иные сценарии позиционируются в свете негативных последствий для Соединенных Штатов и их западных союзников. Первый негативный сценарий предполагает формирование системной конфронтации между Китаем, Россией и их союзниками, с одной стороны, и США, а также их европейскими и азиатскими союзниками, с другой стороны. В этом случае США придется чрезмерно перенапрячься. Второй сценарий предполагает дальнейшее сдерживание и частичную изоляцию России, а также усиление конфронтации России с США. В условиях данного сценария будет происходить расширение влияния третьих игроков, в частности, Китая, Индии и других региональных держав, которые будут извлекать выгоды из этого противостояния и усиливать свои позиции в Евразии и в мире в ущерб интересам самих Соединенных Штатов [21].

Для американского международно-политического дискурса использование концепта «полицентричный мир», как и термина «многополярный мир», не характерно. Показательно, что эти понятия не встречаются ни в американской Стратегии национальной безопасности 2015 г., ни в Послании Б. Обамы Конгрессу США 2016 г. [32]. Формирующийся мир определяется Соединенными Штатами как мир изменений, связанный с усилением «восходящих держав», создающий угрозы США и их союзникам. Новый мир, с американской точки зрения, — это, в первую очередь, мир турбулентности и конфликтов. Непредсказуемость и угрозаемкость формирующегося нового мира

постоянно подчеркивается в докладах ведущих «мозговых центров» Соединенных Штатов [22]. В целом, США делают акцент не столько на формирующейся полицентричности мира, сколько на своей особой роли как мирового лидера в новых условиях.

Европейские исследователи в последние годы начали рассматривать Европейский союз как центр глобального влияния. Ими отмечалось, что центрами силы будущего мира станут не отдельные государства, но межгосударственные объединения и указывалось на то, что Евросоюз является наиболее успешным примером регионализма. Сегодня, когда происходит обострение международной напряженности, европейскими аналитиками признается, что ЕС плохо подготовлен к тому, чтобы эффективно справляться с турбулентностью. Об этом, в частности, говорит неспособность Евросоюза решить внутренние социально-экономические проблемы, а также урегулировать конфликты на своих границах [29]. Такая ситуация объективно сковывает свободу маневра ЕС.

Европейские эксперты в прогностическом докладе межинституциональной группы Европейского Союза European Strategy and Policy Analysis System (ESPAS) «Global Trends to 2030: Can the EU meet the challenges ahead?» в числе «большой тройки» ведущих экономик будущего мира называют США, Евросоюз и Китай [24]. Перспективы будущего ЕС авторы доклада связывают с положительным завершением американско-европейских переговоров о формировании Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства с последующим подключением к нему Китая. На уровне практической политики и политического дискурса Евросоюз, будучи союзником США, также демонстрирует желание развивать долгосрочные отношения с Китаем. В мае 2015 г. в ходе стратегического диалога ЕС — КНР, проходившего в Пекине, верховный представитель ЕС по

Политические аспекты формирования полицентричного мира в условиях «гибридных войн»

иностранным делам и политике безопасности Ф. Могерини заявила о том, что стороны переговоров являются «истинными стратегическими партнерами». По итогам 17-го саммита ЕС — Китай, состоявшегося в июне 2015 г., было принято совместное заявление, в соответствии с которым стороны выступили в поддержку обеспечения взаимодействия по линии китайского проекта «Экономический пояс Шелкового пути» и Европейского фонда стратегических инвестиций.

Полицентричный мир и «гибридные войны»

Современное мировое политическое пространство осмысливается многими ведущими российскими и зарубежными политологами как пространство глобальной геополитической, геоэкономической, а также информационной конкуренции между ведущими международно-политическими акторами, приобретающей все более острую форму. Наиболее конфликтной формой проявления этой конкуренции сегодня выступают так называемые «гибридные войны».

Вокруг понятия «гибридная война» в современной международно-политической науке протекают весьма оживленные споры. Одни исследователи считают, что в рамках данного концепта нашел свое определение качественно новый феномен мировой политики. Другие полагают, что гибридный характер в той или иной степени был присущ войнам на протяжении всей истории международно-политических конфликтов.

Согласно исследованиям американских военных теоретиков, «гибридная война» — современная версия войны как вооруженной борьбы. Комбинированный характер «гибридных войн» обусловлен тем, что классическое военное насилие в них сочетается с иррегулярными формами противостояния, в частности, террористической деятельностью, киберне-

тическими атаками, экономическими и дипломатическими санкциями, информационными диверсиями, другими составляющими деструктивного воздействия. Возможность противостояния в современных конфликтах в физическом, информационном, кибернетическом, культурном, когнитивном пространствах также способствовала появлению термина, адекватно отражающего пространственную многомерность современной войны.

Гибридизации современной войны способствует ряд объективных факторов, к числу которых относятся международно-правовой запрет на ведение агрессивных войн, наличие ядерного оружия у великих держав, размывание государственного суверенитета, расширение нелегального рынка оружия, рост числа экстремистских террористических организаций, а также кризис традиционной модели мирового лидерства и присущих ей форм мирорегулирования.

«Гибридные войны», как правило, ведут своеобразный симбиотический субъект. Наряду с негосударственными участниками, он включает в себя государства, действующие либо напрямую (посредством давления), либо в качестве открытых или тайных спонсоров [23]. Негосударственными участниками и проводниками «гибридных войн» могут быть средства массовой информации, террористические организации, вооруженные экстремистские группировки, радикальная политическая оппозиция, повстанческие военизированные структуры. В «гибридной войне» могут быть задействованы финансово-экономические организации, участвующие в политике экономических санкций, специальные службы, олигархические группы, националистические и псевдорелигиозные структуры. Формирование сложной конфигурации акторов и участников «гибридной войны» позволяет рассматривать данный феномен как непрямую и необъявленную войну без явного субъекта (единого центра контроля). Ведение «гибридной войны» позволяет

государствам избегать ответственности, так как данная форма противостояния осуществляется вне существующих норм и правил, выработанных государствами и для государств. Объединение этих составляющих позволяет эффективно подрывать стабильность внутри того или иного государства, противостоять попыткам данного государства проводить самостоятельный внешнеполитический курс. В некоторых случаях «гибридные войны» могут провоцировать вооруженные конфликты внутри государств, в их пограничных зонах, либо создавать предпосылки для их развязывания в будущем.

В настоящее время геополитическая и геоэкономическая значимость ключевых регионов мира, в первую очередь, Евразии и Северной Африки, способствует их превращению в пространство, где мирополитическая конфронтационность все чаще достигает уровня «гибридной войны». В этих условиях в современной мировой политике реализуются контрстратегии, не только противодействующие войнам нового типа, но и продвигающие конструктивные формы совместного развития [19].

Американские политики и военные обвиняют в ведении «гибридных войн» Россию, Китай, Иран, КНДР, радикальные исламистские организации, действующие на Ближнем Востоке и в Африке (Талибан, Аль-Каида, Исламское государство), а также транснациональные преступные организации, подпитываемые мигрантами из слаборазвитых регионов, в частности из Центральной Америки [34]. Проявления «гибридной войны» в стратегии Ирана связываются Соединенными Штатами с его поддержкой военных действий организации Хезболла на территории Ливана и Сирии. В качестве «гибридной войны» позиционируется политика КНР по продвижению своих интересов в Южно-Китайском море, в рамках которой актуализируются его давние территориальные споры с рядом приграничных государств Юго-Восточ-

ной Азии. Россия обвиняется в ведении «гибридной войны» в Украине, переживающей политический кризис, в странах Центральной и Восточной Европы, зависящих от российских энергоресурсов. Таким образом, концепция «гибридных войн» позволяет США характеризовать определенные, неприемлемые для себя действия усиливающихся государств как агрессию и приравнять эти действия, в том числе, в официальных политических заявлениях, к новой форме войны.

Американскими военными теоретиками формулируется идея о необходимости реализации глобальной стратегии сдерживания акторов, ведущих «гибридные войны». Ответом на войны нового типа должно стать расширение сотрудничества военных и гражданских ведомств и структур, формирующих национальную мощь США. В качестве важнейшего ресурса противодействия «гибридным войнам» позиционируется НАТО, динамично развивающий внутренние сетевые связи. При этом отмечается, что усилий только Североатлантического альянса, обладающего «жесткой силой», для противодействия «гибридным угрозам» сегодня недостаточно. Кооперация с Евросоюзом, владеющим «мягкой силой», должна помочь НАТО компенсировать нехватку невоенных инструментов противодействия новым вызовам. Таким образом, задача противостояния «гибридным угрозам» ставится военными теоретиками США не только перед самими Соединенными Штатами, но и всем сообществом стран Запада [27]. В целом, данная стратегия отвечает официальной цели обеспечения благоприятного для американского лидерства баланса сил в критически значимых регионах мира [25].

«Фабрики мысли» Европейского союза сегодня активно анализируют феномен «гибридных угроз». В обвинениях в отношении России и других незападных государств в ведении «гибридных войн» эксперты и политики Евросоюза более осторожны. Встречаются публикации, в кото-

Политические аспекты формирования полицентричного мира в условиях «гибридных войн»

рых указывается на то, что «гибридная» тактика в истории применялась, в том числе, и самими Соединенными Штатами. В частности, это относится к периоду противостояния Советскому Союзу в Афганистане в 1980-е гг. [31]. На официальном уровне политики ЕС не склонны обвинять Россию в «гибридной войне», однако на уровне ведущих средств массовой информации крупнейших европейских стран, в частности Германии, такого рода обвинения регулярно имеют место [35].

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации 2015 г., говорится о том, что США и их союзники стремятся сохранить свое доминирование в мировых делах и потому противодействуют проведению Россией самостоятельной внутренней и внешней политики. В документе утверждается, что проводимая Соединенными Штатами политика сдерживания предусматривает оказание политического, экономического, военного и информационного давления на Россию [13]. Указанный тезис объясняется рядом обстоятельств, в которых оказалась современная Россия. В первую очередь, существенное снижение безопасности России произошло в результате политического кризиса в Украине и наступивших за ним последствий. Неурегулированность внутривосточной ситуации на Украине на фоне обострения конфликтности в российско-украинских отношениях послужила поводом для усиления политического и экономического давления США и их союзников на Россию, активизации военной деятельности блока НАТО вблизи российских границ. Фактически продолжающиеся, хотя и с меньшей интенсивностью, боевые действия на территории Донбасса создают условия для дестабилизации си-

туации на российско-украинской границе. В целях недопущения полномасштабной эскалации данного конфликта Россия выступает в поддержку минского переговорного процесса.

Происходящее параллельно перманентное возрастание угроз со стороны радикальных исламистских группировок, в первую очередь, Исламского государства, Джибхат ан-Нусра и Аль-Каиды, распространяющих свое влияние не только на Ближнем и Среднем Востоке, но и в Евразии, а также в Северной Африке, подтолкнуло Россию в сентябре 2015 г. к началу антитеррористической операции в Сирии. Благодаря усилиям российской дипломатии России и США удалось достичь соглашения о перемирии в Сирии, предусматривающего введение режима прекращения огня с 27 февраля 2016 г. Данное соглашение было поддержано резолюцией Совета Безопасности ООН [33].

Таким образом, политическая конкуренция международных акторов, все чаще реализующая себя в стратегиях «гибридных войн» и контрстратегиях, становится долгосрочным фактором мирополитической динамики и оказывает существенное воздействие на трансформацию миропорядка, усиливая его полицентричность. Актуализация этих стратегий объективно способствует росту прагматизма в мировой политике при этом существенно повышает международно-политические риски. В этих условиях объективно возрастает потребность в формировании нового качества глобального лидерства, способного вырабатывать коллективные подходы и реализовывать мероприятия, дающие своевременные и эффективные ответы на наиболее значительные опасности и угрозы.

Литература

1. Арбатов А. Г. Крушение миропорядка? // Россия в глобальной политике. — 2014. — Т. 12. — № 4. — С. 16–31. — URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Krushenie-miroporyadka-16918> (дата обращения: 10.05.2016).

2. Богатуров А. Д. Великие державы на Тихом океане. История и теория международных отношений в Восточной Азии после Второй мировой войны (1945–1995) // М.: Конверт — МОНФ, 1997. — 353 с.
3. Богатуров А. Д., Фененко А. В. Кризис стратегии «навязанного консенсуса» // Свободная мысль. — 2008. — № 11. — <http://mgimo.ru/files/73144/bced5e078c6344ffdc589685a4edb1ff.pdf> (дата обращения: 10.05.2016).
4. Брутенц К. Н. Великая геополитическая революция. — М.: Международные отношения, 2014. — 688 с.
5. Громыко А. А. Изменяющаяся геометрия полицентричности // Сравнительная политика. — 2012. — № 2 (8). — URL: http://mgimo.ru/files2/z05_2013/gromyko.pdf (дата обращения: 10.05.2016).
6. Клепацкий Л. Н. Деглобализация мировой системы // Международная жизнь. — 2015. — № 8. — С. 25–45. — URL: <https://www.interaffairs.ru/news/show/13624> (дата обращения: 10.05.2016).
7. Кондаков И. В. Цивилизационная идентичность России: сущность, структура и механизмы // Вопросы социальной теории: Научный альманах. — 2010. — Т. IV. — URL: <http://iph.ras.ru/uplfile/root/biblio/vst/2010/14.pdf> (дата обращения: 10.05.2016).
8. Концепция внешней политики Российской Федерации 2000. — URL: <http://archive.mid.ru/Bl.nsf/arh/19DCF61BEFED61134325699C003B5FA3> (дата обращения: 10.05.2016).
9. Концепция внешней политики Российской Федерации 2008 г. — URL: <http://kremlin.ru/acts/news/785> (дата обращения: 10.05.2016).
10. Костин А. И. Модели глобализации в условиях кризиса цивилизации: Сравнительно-политологический метод // Политическая наука. — 2015. — № 4. — С. 40–59.
11. Примаков Е. М. Мир без России? К чему ведет политическая близорукость. — М.: ИИК «Российская газета», 2009. — 239 с.
12. Rogov С. М. Реинкарнация холодной войны // РСМД. — 2015. — 27 февраля. — URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=5356#top-content (дата обращения: 10.05.2016).
13. Указ Президента РФ «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации» от 31.12.2015. — № 683. — URL: <http://rg.ru/2015/12/31/nac-bezopasnost-site-dok.html> (дата обращения: 10.05.2016).
14. Россия в полицентричном мире / Под. ред. А. А. Дынкина, Н. И. Ивановой. — М.: Весь Мир, 2011. — 580 с.
15. Российско-китайская совместная декларация о многополярном мире и формировании нового международного порядка. — URL: http://www.lawrussia.ru/texts/legal_743/doc743a830x878.htm (дата обращения: 10.05.2016).
16. Сирота Н. М., Хомелева Р. А. Центры силы в мировой политике // Теоретические и практические вопросы развития научной мысли в современном мире: сборник статей II Международной научно-практической конференции. 29–30 апреля 2013 г.: в 4 ч. Ч. 2. — Уфа: РИЦ БашГУ, 2013. — С. 160. — URL: http://www.aeterna-ufa.ru/sbornik/apr2013_tom2.pdf (дата обращения: 10.05.2016).
17. Совместная декларация Российской Федерации и Китайской Народной Республики о международном порядке в XXI веке. — URL: http://archive.kremlin.ru/interdocs/2005/07/01/1728_type72067_90623.shtml?type=72067 (дата обращения: 10.05.2016).
18. Стратегия развития Шанхайской организации сотрудничества до 2025 г. — URL: <http://infoshos.ru/ru/?id=125> (дата обращения: 10.05.2016).
19. Чихарев И. А., Столетов О. В. К вопросу о соотношении стратегий «мягкой силы» и «разумной силы» в мировой политике // Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки. — 2013. — № 5. — С. 26–43.

Политические аспекты формирования полицентричного мира в условиях «гибридных войн»

20. Acharya A. From the Unipolar Moment to a Multiplex World // YaleGlobal Online, 03.07.2014. — URL: <http://yaleglobal.yale.edu/content/unipolar-moment-multiplex-world> (дата обращения: 10.05.2016).
21. Burrows M., Dynkin A. Global System on the Brink: Pathways toward a New Normal. — URL: http://www.atlanticcouncil.org/images/publications/Global_System_on_the_Brink.pdf (дата обращения: 10.05.2016).
22. Choices for America in a turbulent world // RAND Corporation, 2015. — URL: http://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/research_reports/RR1100/RR1114/RAND_RR1114.pdf (дата обращения: 10.05.2016).
23. Deep A. Hybrid War: Old Concept, New Techniques // Journal Article. — 2015. — March 2. — URL: <http://smallwarsjournal.com/printpdf/22276> (дата обращения: 10.05.2016).
24. Global Trends to 2030: Can the EU meet the challenges ahead? // European Strategy and Policy Analysis System. — 2015. — URL: <http://europa.eu/espas/pdf/espas-report-2015.pdf> (дата обращения: 10.05.2016).
25. Engaging Russia: a return to containment? // The Trilateral commission. — 2014. — May 15. — URL: http://trilateral.org/download/doc/TF_Russia_for_WEBSITE_final_15_May_2014.pdf (дата обращения: 10.05.2016).
26. Herolf G. Multipolar World at the End of the First Decade of the 21st Century: How about Europe? // Central European Journal of Public Policy. — 2011. — June. — Vol. 5. — № 1. — URL: <http://cejpp.eu/index.php/ojs/article/view/72/75> (дата обращения: 10.05.2016).
27. Hybrid War modernity // To Inform is to Influence. — 2015. — March 30. — <http://toinform-istoinfluence.com/2015/03/30/hybrid-war-modernity> (дата обращения: 10.05.2016).
28. National Security Strategy // The White House. — 2015. — February. — URL: https://www.whitehouse.gov/sites/default/files/docs/2015_national_security_strategy.pdf (дата обращения: 10.05.2016).
29. O'Sullivan D. Five Challenges for European Foreign Policy in 2015 // GCSP Policy Paper 2015/3 — March 2015. — URL: <http://www.gcsp.ch/download/2780/72461> (дата обращения: 10.05.2016).
30. Pickrell R. The Tipping Point: Has the U. S. — China Relationship Passed the Point of No Return? // The National Interest, 26.10.2015. — URL: <http://nationalinterest.org/feature/the-tipping-point-has-the-us-china-relationship-passed-the-14168> (дата обращения: 10.05.2016).
31. Popescu N. Hybrid tactics: neither new nor only Russian. — URL: http://www.iss.europa.eu/uploads/media/Alert_4_hybrid_warfare.pdf (дата обращения: 10.05.2016).
32. Remarks of President Barack Obama — State of the Union Address As Delivered. — URL: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2016/01/12/remarks-president-barack-obama-%E2%80%93-prepared-delivery-state-union-address> (дата обращения: 10.05.2016).
33. Security Council Endorses Syria Cessation of Hostilities Accord, Unanimously Adopting Resolution 2268. — URL: <http://www.un.org/press/en/2016/sc12261.doc.htm> (дата обращения: 10.05.2016).
34. Win in a Complex World 2020–2040. — URL: <https://info.publicintelligence.net/US-Army-WinComplexWorld.pdf> (дата обращения: 10.05.2016).
35. The Hybrid War: Russia's Propaganda Campaign Against Germany. — URL: <http://www.spiegel.de/international/europe/putin-wages-hybrid-war-on-germany-and-west-a-1075483.html> (дата обращения: 10.05.2016).